

Оригинальная статья

УДК 811.11

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-5-220-231>

Лингвокреативные способы передачи эмоционального состояния отчаяния в творчестве Сильвии Плат (на материале поэзии и прозы)

Марина Юрьевна Кузьмина¹✉, Нина Викторовна Николаева²

^{1,2}Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

¹✉ charoitmermaid@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0005-5277-1100>

²ninotchka_nik@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0875-3408>

Введение. Статья посвящена исследованию способов передачи эмоционального состояния отчаяния в творчестве Сильвии Плат. Ее цель – выявить и систематизировать языковые и нарративные стратегии репрезентации этого состояния в прозе и поэзии автора, определив их связь с поэтикой психологического реализма и модернистской эстетикой. Новизна работы заключается в применении комплексного подхода к анализу лингвокреативных приемов передачи эмоционального состояния отчаяния, учитывающего как поэтическое творчество С. Плат, так и ее прозу.

Методология и источники. Исследование основано на интеграции нескольких методов: лингвостилистического и контекстуального анализа, а также психолингвистического подхода. Материал исследования составили ключевые тексты, репрезентирующие эволюцию стиля С. Плат и доминантность темы отчаяния: роман «The Bell Jar» (1963), сборник малой прозы «Johnny Panic and the Bible of Dreams» (1977) и поэтический сборник «The Collected Poems» (1981). Выборка основана на значимости текстов для раскрытия темы в разных жанрах, включая автобиографический и экспериментальный материал.

Результаты и обсуждение. Исследование показало, что отчаяние у С. Плат преимущественно передается косвенно, через «созидательное разрушение» языка – создание шокирующих образов, синтаксических сдвигов и сложных символов. Прямая номинация используется редко. Проза реализует «поэтику распада»: линейное (в романе) или фрагментарное (в рассказах) развертывание кризиса через метафоры редукции идентичности, синтаксическую фрагментацию и мотивы деперсонализации. В поэзии преобладают концентрированные, полисемантические символы с шоковым зарядом, остранение привычных образов в ключе жестокости/неизбежности и особый синтаксис. Жанровая специфика ярко выражена: проза создает протяженное пространство психического страдания, поэзия конденсирует отчаяние в интенсивном «взрыве» образа.

Заключение. Исследование подтверждает, что лингвокреативность С. Плат является стратегией преодоления невозможности прямой номинации экзистенциального отчаяния. Ее язык становится инструментом воплощения психической травмы и пограничных состояний сознания. Специфика жанровых средств – нарративная протяженность прозы и концентрированная образность поэзии выступают ключевыми факто-

© Кузьмина М. Ю., Николаева Н. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

рами в реализации главной творческой задачи писательницы: передачи «невыразимого» с беспрецедентной силой. Выявленные стратегии отражают не только глубокий индивидуальный кризис автора, но и экзистенциальные тревоги эпохи, вписывая творчество С. Плат в традицию модернистской исповедальной литературы и подчеркивая ее уникальность в репрезентации предельных человеческих переживаний.

Ключевые слова: Сильвия Плат, отчаяние, эмоциональное состояние, психологический реализм, проза XX века, поэзия XX века, исповедальная поэзия

Для цитирования: Кузьмина М. Ю., Николаева Н. В. Лингвокреативные способы передачи эмоционального состояния отчаяния в творчестве Сильвии Плат (на материале поэзии и прозы) // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 5. С. 220–231. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-5-220-231.

Original paper

Linguocreative Methods of Conveying the Emotional State of Despair in the Works of Sylvia Plath (Based on Her Poetry and Prose)

Marina Yu. Kuzmina¹✉, Nina V. Nikolayeva²

^{1, 2}The Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russia

¹✉charoitmermaid@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0005-5277-1100>

²ninochka_nik@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0875-3408>

Introduction. This article explores the linguistic representation of emotional despair in Sylvia Plath's literary works. Its objective is to identify and systematize the linguistic and narrative strategies employed to convey this state in Plath's prose and poetry, examining their connection to the poetics of psychological realism and modernist aesthetics. The novelty of the study lies in its comprehensive analysis of linguo-creative techniques used to express despair, encompassing both Plath's poetic and prose output.

Methodology and sources. The research employs an integrated methodological approach, combining linguistic-stylistic analysis, contextual analysis, and psycholinguistic perspectives. The primary source material comprises key texts exemplifying the evolution of Plath's style and the centrality of despair: the novel *The Bell Jar* (1963), the short story collection *Johnny Panic and the Bible of Dreams* (1977), and the poetry collection *The Collected Poems* (1981). This selection is based on the texts' significance for exploring the theme across different genres, including autobiographical and experimental works.

Results and discussion. The study reveals that despair in Plath's writing is conveyed primarily indirectly through the "creative destruction" of language – manifesting in shocking imagery, syntactic shifts, and complex symbols. Direct lexical naming is rare. Prose enacts a "poetics of disintegration": it unfolds crisis linearly (in the novel) or fragmentarily (in stories) through metaphors of identity dissolution, syntactic fragmentation, and motifs of depersonalization. Poetry is characterized by concentrated, polysemantic symbols with shocking impact, the defamiliarization of commonplace images to reveal cruelty/inevitability, and distinctive syntax. Genre specificity is pronounced: prose constructs an extended space of psychological suffering, while poetry condenses despair into an intense "explosion" of imagery.

Conclusion. The research confirms that Plath's linguistic creativity serves as a strategy to overcome the impossibility of directly naming existential despair. Her language becomes an instrument for embodying psychological trauma and liminal states of consciousness. The

specificity of genre resources – the narrative expanse of prose and the concentrated imagery of poetry – proves crucial for achieving the author's primary creative aim: conveying the “inexpressible” with unparalleled force. The identified strategies reflect not only the author's profound personal crisis but also the existential anxieties of her era, situating Plath's work within the tradition of modernist confessional literature and underscoring its unique power in representing extreme human experiences.

Keywords: Sylvia Plath, despair, emotional state, psychological realism, 20th century prose, 20th century poetry, confessional poetry

For citation: Kuzmina, M.Yu. and Nikolayeva, N.V. (2025), “Linguocreative Methods of Conveying the Emotional State of Despair in the Works of Sylvia Plath (Based on Her Poetry and Prose)”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 5, pp. 220–231. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-5-220-231 (Russia).

Введение. В современной когнитивной научной парадигме большое внимание отводится антропоцентрическому подходу к изучению текста и дискурса. Исследования в рамках данной парадигмы ставят своей целью изучение действительности от «языка в человеке» к «человеку в языке» [1]. Вместе с тем рассматриваются такие понятия как «язык и языковая личность», исследуется роль «человека-творца». Эти понятия широко применяются в работах известных исследователей: Е. С. Кубряковой, Ю. Н. Караулова, И. К. Архипова и многих других.

Автор художественного текста, описывая мир через призму своего сознания и опыта, выступает в роли творца, создавая своеобразную вторичную модель окружающего мира в тексте. Е. С. Кубрякова исследует проблему языкового моделирования окружающего мира как проблему выбора тех или иных средств языковой номинации [2]. Выбирая те или иные лингвистические средства номинации, автор художественного текста достигает определенных целей коммуникации и в зависимости от выбранных средств производит тот или иной эффект на его читателя. Вариативность языковой объективизации непосредственно связана с творческой природой речемыслительной деятельности человека. Все многообразие выбираемых автором-творцом средств языковой номинации можно таким образом отнести к понятию лингвокреативности как к процессу творческому и индивидуальному.

Лингвокреативность – это многогранная стратегия, снижающая предсказуемость текста и повышающая его информативность. В художественном тексте рост информативности возникает благодаря связи с субъективно переживаемым событием [3, с. 29]. Эта стратегия воплощается с помощью метафор, метонимий, языковой игры, транспозиций и других выразительных средств, формирующих неожиданные и оригинальные сочетания.

В настоящей статье исследуются лингвокреативные способы передачи эмоционального состояния отчаяния в работах известной американской писательницы, ключевой фигуры в американской исповедальной поэзии XX в. Сильвии Плат (1932–1963). Творчество С. Плат занимает особое место в литературе модернизма, представляя собой уникальный синтез исповедального дискурса и художественного эксперимента. Настоящее исследование сосредоточено на сравнительном анализе способов передачи эмоционального состояния отчаяния в прозе и поэзии С. Плат. В статье исследуются языковые и нарративные стратегии выражения отчаяния в сборнике рассказов и эссе С. Плат «Johnny Panic and the Bible of Dreams» (1977), романе «The Bell Jar» (1963) и в сборнике стихотворений «The Collected

Poems» (1981), в который вошли все ее поэтические произведения, написанные в период с 1956 г. по 1963 г, а также ранние произведения С. Плат до 1956 г. В творчестве писательницы и поэтессы на первый план выходят преимущественно негативные эмоциональные состояния: страх, печаль, ненависть, отчаяние и одиночество. Такой широкий спектр негативных эмоциональных состояний позволяет рассмотреть их с точки зрения метаязыковой рефлексии автора [4, с. 149–150], в которой через собственный опыт автор одновременно создает модель окружающей действительности и тут же переживает ее.

Настоящее исследование вписывается в ряд других исследований в области языкознания и литературоведения, посвященных творчеству С. Плат [5–7]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью более детального изучения ранней прозы писательницы, которая часто остается в тени ее поэтического наследия. Новизна работы заключается в комплексном подходе, позволяющем провести системный анализ творчества С. Плат с акцентом на лингвистические механизмы создания эффекта отчаяния и фокусирующемся как на прямой номинации отчаяния, так и на косвенной репрезентации этого эмоционального состояния, к которой относятся, например, пространственные и телесные метафоры, синтаксические аномалии, мотивы сновидений и безумия.

Целью исследования является выявление и систематизация языковых и нарративных стратегий репрезентации экзистенциального отчаяния в художественном наследии С. Плат, определение их взаимосвязи с поэтикой психологического реализма и модернистской эстетикой. К конкретным задачам относятся 1) определение лексических, синтаксических и образных средства выражения отчаяния и выявление ключевых когнитивных метафор в рамках лингвопоэтического анализа; 2) исследование особенностей повествования (поток сознания, несобственно-прямую речь, фрагментарность) в рамках нарратологического анализа; 3) установление общих и отличительных черт способов вербализации эмоционального состояния отчаяния в поэзии и малой и крупной прозе С. Плат и сопоставление автобиографического контекста с художественной условностью в рамках сравнительного анализа. Автобиографичность произведений писательницы является определяющим фактором, формирующим ее индивидуально-авторский стиль и выбираемые автором лингвокреативные способы передачи эмоциональных состояний. Являясь ярким представителем исповедального направления в американской литературе, С. Плат, как и другие его представители (Джон Берримен, Уильям Снодграсс, Роберт Лоуэлл) отходит от классических канонов и намеренно нарушает нормы повествования. «Центральные проблемы, поднимаемые в исповедальной поэзии, варьируются от описания глубоко личных тем (психологического стресса, душевных переживаний автора) до противостояния авторитетам (политическим, экономическим, культурным)» [8, с. 67]. Обращаясь к экзистенциальным проблемам и подчеркивая неизбежность бытия, авторы исповедального направления используют всевозможные лингвокреативные способы моделирования художественного текста: полисемию, многочисленные реитерации, имитацию детской речи (*baby talk*), свободную поэтическую форму, индивидуально-авторские образы и аллегории, символизм, переосмысление мифологии и религиозных образов и многое другое.

Свое отношение к прозе (романам) и поэзии (небольшим стихотворениям) С. Плат выражает в эссе «A Comparison» (1962), в котором она описывает романиста как наблюдателя

повседневности, способного впитывать любые детали – от старых туфель до эмоций людей, поскольку у него есть «все время мира» для создания многогранных произведений. Поэт же работает с мгновениями – его творчество сравнивается с викторианскими стеклянными шарами, где при встряхивании меняется вся картина. Поэзия характеризуется писательницей и поэтессой как «начало и конец в одном дыхании», как «дверь открывается, дверь закрывается», а в промежутке у читателя есть только мгновение, чтобы увидеть все то, что хотел сказать автор. Поэзия сравнивается С. Плат со сжатым кулаком, исключаящим все лишнее и обладающим высокой концентрацией образа, а проза – с раскрытой ладонью, включающей в себя все дороги, детали и развитие [9, р. 65–67].

Методология и источники. Методология настоящего исследования включает в себя, в первую очередь, лингвостилистический анализ, к которому относится анализ лексических средств выражения эмоций и синтаксических структур, используемых автором для передачи того или иного эмоционального состояния, изучение образной системы художественного произведения, выявление и классификация повторяющихся мотивов, а также анализ их трансформации в различных произведениях; психолингвистический подход, включающий анализ связи языковых средств и психических состояний, т. е. исследование механизмов вербализации подобных состояний человека; контекстуальный анализ, подразумевающий рассмотрение художественных текстов в контексте биографии автора и анализ связей с литературной традицией модернизма, поскольку любой художественный текст следует изучать не изолированно, а как часть коммуникативного процесса, где авторское мировидение передается через оптимальную форму, требующую учета социокультурного контекста и диалогической природы смыслопорождения [10, с. 108].

Роман «The Bell Jar» (1963) С. Плат является ключевым текстом в изучении психологического реализма в литературе XX в. Эстер Гринвуд, alter ego автора, переживает глубокий экзистенциальный кризис, который выражается через комплекс языковых средств. Отчаяние героини не всегда вербализуется напрямую, но проявляется в описаниях окружающего мира, телесных реакциях и метафорических образах. Сборник «Johnny Panic and the Bible of Dreams» (1977) объединяет ранние рассказы и эссе С. Плат, раскрывающие темы психического напряжения, страха и экзистенциального отчаяния. В отличие от романа «The Bell Jar», где отчаяние концентрируется вокруг одного персонажа, здесь оно проявляется в разнообразных формах – от сюрреалистических аллегорий до автобиографических зарисовок. Сборник малообъемной прозы, включающий рассказы и эссе, созданные С. Плат в период с 1952 по 1962 гг., представляет собой уникальный материал для изучения эволюции художественного сознания писательницы и демонстрируют эволюцию ее писательской манеры, от ранних реалистических зарисовок до зрелых экспериментальных произведений. В отличие от более известного романа, эти тексты демонстрируют широкий спектр экспериментальных подходов к изображению психических состояний. Центральной темой сборника становится глубокий экзистенциальный кризис, выраженный через сложную систему взаимосвязанных художественных средств для изображения психических состояний. Рассказ «Johnny Panic and the Bible of Dreams» (1968), давший название всему сборнику, представляет собой важный этап в творческой эволюции автора, демонстрируя переход от ранних реалистических произведений к зрелой экспериментальной прозе. В поэтический сборник «The Collected

Poems» (1981) вошли стихотворения С. Плат, написанные в период с 1956 по 1963 г., а также ранние поэтические произведения (до 1956 г.), которые до этого нигде не публиковались. Редактором сборника выступил Тед Хьюз, английский писатель и поэт. Включая ранее не опубликованные труды автора, этот сборник является наиболее полным собранием стихотворений С. Плат. За него С. Плат была посмертно присуждена Пулитцеровская премия.

Результаты и обсуждение. Сравнительный анализ подтверждает, что отчаяние у С. Плат принципиально невыразимо через прямую номинацию. Его передача требует созидательного разрушения языка: создания мощных, часто шокирующих образов, синтаксических сдвигов и сложных символических систем. Проза служит для развертывания состояния отчаяния во времени, погружая читателя в хроническое переживание изоляции и безнадежности через внутренний мир героини и доминантные метафоры. Поэзия действует как концентрат, взрыв отчаяния. Она достигает интенсивности через сгущение символов, контрастов и грамматических средств в предельно сжатом пространстве текста. Поэтический язык С. Плат становится инструментом воплощения невыразимого ужаса бытия.

На основе выполненного анализа можно выделить следующие основные способы репрезентации эмоционального состояния отчаяния в художественной прозе С. Плат:

1. Лексические маркеры (прямые номинации эмоций, слова с семантикой безысходности, тревоги, утраты и пр. негативной коннотацией).

2. Образные средства (метафоры (отчаяние как физическая преграда (*the bell jar*, *hospital walls*) и как распад материи); сравнения, символы, гротеск, сюрреалистическая образность (галлюцинации, кошмары).

3. Синтаксические и композиционные особенности (поток сознания, фрагментарность, повторы, парцелляция, риторические вопросы).

Как уже было сказано ранее, С. Плат весьма редко прибегает к прямой номинации эмоционального состояния отчаяния, которая выражается в английском языке в первую очередь такими лексемами, как *despair*, *desperation*, *despondency*, *hopelessness* [11, с. 42]: «*Everywhere I heard bells, telephones not for me, doorbells with roses for all the other girls in the world. Utter despair. Ugly, red nose, no force. When I was psychically saddest, crash, the sky falls in and my body betrays*» [9, p. 262].

Семантика безнадежности в большинстве случаев передается через косвенные проявления отчаяния, как, например, в следующей цитате при помощи метафоры опустошенности: «*I felt very still and empty, the way the eye of a tornado must feel, moving dully along in the middle of the surrounding hullabaloo*» [12, p. 6].

Апатию и утрату мотивации можно проследить и через соматические реакции персонажей, когда телесность становится индикатором психического состояния: «*I couldn't see the point of getting up. I had nothing to look forward to*» [12, p. 147].

Различного рода образы и символы также становятся способами автора передать эмоциональное состояние отчаяния. Так, образ стеклянного колпака (*the bell jar*), ключевого символа единственного романа С. Плат, вынесенного в его заглавие, т. е. сильную позицию текста, передает ощущение изоляции и удушья. Выступая в качестве доминантного образа всего произведения, он репрезентирует невидимую преграду между героиней и внешним миром.

Мотив смерти и постоянные отсылки к суициду и небытию также подчеркивают отчаяние героев произведений С. Плат, при этом суицидальные мысли репрезентируют его крайнюю степень. В определении термина *hopelessness* в словаре по психологии Американской ассоциации психологов фигурируют как депрессия, которая была неизменной спутницей жизни самой писательницы, так и суицид [13], к которому С. Плат подошла к концу своей жизни: *Hopelessness is common in severe major depressive episodes and other depressive disorders and is often implicated in suicides and attempted suicides* [13].

Мотив смерти в контексте романа передается, например, посредством сравнения с природными объектами, что придает фатальность и обреченность мысли героини: «*The thought that I might kill myself formed in my mind coolly as a tree or a flower*» [12, p. 120].

В качестве одного из примеров синтаксических особенностей передачи изучаемого эмоционального состояния приведем короткие, рубленые предложения, передающие фрагментарность сознания в момент кризиса или глубокой апатии. В приводимой далее цитате лексико-грамматические повторы, аффирмации существования на грани срыва трактуются как попытка удержаться за реальность: «*I took a deep breath and listened to the old brag of my heart. I am, I am, I am*» [12, p. 311].

К общим чертам вербализации отчаяния в малой и крупной прозе автора относится использование телесных метафор, мотива изоляции, образов психического распада. Основное отличие состоит в том, что в то время как роман демонстрирует более линейное развитие кризиса, рассказы представляют отдельные «срезы» отчаяния. Отчаяние в прозе С. Плат реализуется через «поэтику распада», а именно через сочетание когнитивных метафор, редуцирующих идентичность синтаксической фрагментации и мотивов деперсонализации, что отражает не только индивидуальный кризис, но и экзистенциальные тревоги эпохи.

В **поэтических** произведениях С. Плат также неоднократно прибегает к непрямой номинации эмоционального состояния отчаяния, например, в ее стихотворениях, написанных в тот же период, что и ранее упомянутый роман.

В стихотворении «Kindness» С. Плат использует олицетворение и описывает образ «Доброты» как двойственный и неоднозначный. В самом начале стихотворения лексическая единица «Kindness» становится именем собственным, а образ доброты персонифицируется:

Kindness glides about my house.

Dame Kindness, she is so nice!

В этих строках в сильной позиции текста образ доброты предстает перед читателем как положительный, однако далее в тексте он развивается как преимущественно негативный, что подчеркивается аллегорией смерти. Автор сравнивает действия «Госпожи Доброты» с сахаром, который создает лишь иллюзию исцеления, а последствия этих действий – с приколотыми булавками мертвыми бабочками:

Sugar can cure everything, so Kindness says.

<...>

<...> *desperate butterflies,*

May be pinned any minute, anesthetized.

В этих строках С. Плат вновь прибегает к непрямой номинации и описывает смерть как фатальное и неизбежное последствие. Использование образа мертвого природного объекта усиливает эмоциональное состояние отчаяния лирического героя.

В не менее известном стихотворении «Totem» С. Плат, обращаясь к природе и религиозным образам, поднимает экзистенциальные вопросы и подчеркивает неизбежность смерти всего живого.

Использование образа тотема вызывает к негативным эмоциональным состояниям: одиночеству, безысходности. Тотем – это изображение животного, воплощающее в себе некие идеалы и ожидания лирического героя.

В то же время усиливает эти негативные эмоциональные состояния образ мясника, который разделяет кролика перед трапезой:

The butcher's guillotine that whispers: 'How's this, how's this?'

<...>

*In the bowl the hare is aborted,
Its baby head out of the way, embalmed in spice,*

<...>

Flayed of fur and humanity.

При этом трапезе передается сакральный смысл, что вновь может выводить на первый план идею неизбежности происходящего:

Let us eat it like Christ.

These are the people that were important...

Примечательно, что даже религиозные фигуры в поэтическом творчестве С. Плат представлены как негативные, зачастую жестокие и несправедливые по отношению к лирическому герою.

Стихотворение «The Munich Mannequins» также исследует темы отчаяния и недостижимого перфекционизма. В отличие от образа тотема, в котором запечатлен некий образ, которому поклоняются словно идолу, манекены символизируют недостижимый идеал, статичный, но желанный. В этом стихотворении исследуются темы перфекционизма и недостижимых идеалов красоты и любви. Следует отметить, что в отличие от «Totem», это стихотворение ближе к жанру исповедальной поэзии, ибо здесь прямо номинируется посредством личного местоимения лирическое «я», присущее исповедальному жанру:

The absolute sacrifice.

It means: no more idols but me,

<...>

Me and you.

Примечательно употребление параллельных синтаксических конструкций, также присущее прозе С. Плат:

The tree of life and the tree of life

<...>

The blood flood is the flood of love.

В стихотворении также можно проследить развернутую метафору опустошенного города, коим является послевоенный Мюнхен.

Постоянные противопоставления изобилия и пустоты:

Naked and bald in their furs...

создают эффект присутствия и указывают на преобладающее эмоциональное состояние отчаяния, в котором красота и изобилие конфликтуют с опустошением.

Автор также прибегает к прямой номинации одиночества:

Nobody's about. In the hotels

Hands will be opening doors <...>

Следует также упомянуть стихотворение «Balloons», в котором С. Плат использует развернутую метафору воздушного шарика, который олицетворяет нечто легкое и вызывает положительные эмоции и ассоциации. Это стихотворение примечательно тем, что даже такой на первый взгляд невинный образ ребенка, играющего с воздушным шариком, описывается автором как что-то разрушительное и неизбежное. Действия ребенка в процессе игры с воздушным шариком невинны и не направлены на разрушение, однако в тексте воздушный шарик сравнивается с котенком, который издает писк, если его сжать:

Brother is making

His balloon squeak like a cat.

В этом примере автор снова посредством не прямой номинации выдвигает на первый план идею неизбежности. Воздушный шарик является неодушевленным объектом, поэтому он не может вырваться из рук ребенка, но сравнение с пищущим котенком придает этому действию неизбежный и даже жестокий характер: ребенок, не задумываясь, сжимает шарик, а шарик остается только издавать писк подобно беззащитному животному.

В то же время автор с иронией описывает действия ребенка, используя такие эпитеты как «funny» и «pink» в сочетании с лексической единицей «world», что создает юмористический эффект и снимает с ребенка ответственность за его действия:

A funny pink world he might eat on the other side of it,

He bites,

Then sits.

Одновременное употребление в одном контексте разрушительного действия и описание его как наивного может являться своеобразным оксюмороном и примером «созидательного разрушения». Категоризируя мир, в данном контексте автор противопоставляет живое и неживое. Живой организм в отличие от неживого «способен приспосабливаться к постоянно изменяющимся условиям» [14, с. 111], в то время как неживые объекты не могут влиять на постоянно изменчивый мир. Так и в данном стихотворении шарик хоть и является своеобразным олицетворением, но он может лишь быть объектом категоризации, в то время как человек (ребенок) познает мир, в данном случае эмпирическим путем.

Следует также отметить, что во всех упомянутых стихотворениях широко используются вопросительные предложения. Автор будто сам переживает ситуации, моделируемые им в тексте и в то же время, предлагает читателю ответить на эти вопросы:

What is so real as the cry of a child?

Обобщая сказанное, можно утверждать, что эмоциональное состояние отчаяния в романе «The Bell Jar» репрезентируется через полифонию средств: от соматизации эмоций до лейтмотивных образов (стеклянный колпак, пустота, обрыв). Роман С. Плат демонстрирует, как язык становится инструментом репрезентации психического распада, предвосхищая дискурс модернистской исповедальной прозы. В сборнике малообъемной прозы «Johnny Panic and the Bible of Dreams» отчаяние принимает множественные формы: от сюрреалистических видений до лаконичных исповедальных фрагментов. С. Плат использует язык как

инструмент для передачи предельных состояний психики, сочетая автобиографичность с универсальными образами страха и тревоги, входящими в одну группу эмоций вместе с отчаянием [15, с. 235]. В поэзии отчаяние достигает предельной концентрации через шокирующие, полисемантические символы (тотем/жертва, доброта-смерть, манекены, шарик-жертва), синтаксическую сжатость (вопросительные конструкции, параллелизмы) и острашение привычных образов (ребенок, доброта), что создает уникальный эффект экзистенциального ужаса и безысходности. Жанровая специфика ярко проявляется: проза (особенно роман) разворачивает хронику кризиса во времени, поэзия конденсирует его в мгновенном, интенсивном взрыве образа.

Заключение. Сравнительный анализ прозы и поэзии Сильвии Плат выявляет не только общие лингвокреативные стратегии передачи отчаяния (избегание прямой номинации, опора на образность, мотив смерти), но и глубокую жанровую специфику. Проза создает протяженное пространство психического страдания через внутренний монолог, соматизацию и структурные метафоры (например, *the bell jar*). Поэзия же конденсирует отчаяние в мощные, полисемантические, часто шокирующие символы (тотем, манекены, шарик-жертва), используя контраст, оксюморон, вопросительность и параллелизм для достижения максимальной интенсивности. В обоих случаях лингвокреативность С. Плат проявляется как способ преодоления невозможности прямого выражения экзистенциального отчаяния, превращая язык в инструмент воплощения травмы и свидетельства о пограничном состоянии человеческой психики. Исследование подтверждает, что именно через специфику жанровых средств – нарративную протяженность прозы и концентрированную образность поэзии – С. Плат с беспрецедентной силой реализует свою главную творческую задачу: передачу невыразимого.

К перспективам исследования относится сравнение способов вербализации эмоционального состояния отчаяния в художественных текстах С. Плат с текстами других модернистов (как, например, В. Вулф, Т. С. Элиот), а в рамках ее поэтического творчества с известными поэтами исповедального направления (Дж. Беррименом, Э. Секстон, Р. Лоуэллом и др.), включая гендерный аспект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: ИЯз РАН, 1995. С. 141–237.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Белоглазова Е. В., Сергаева Ю. В. Лингвокреативность в художественном и научном дискурсе // Вестн. МГЛУ. Гуманитарные науки. 2016. № 7 (746). С. 21–30.
4. Фокина М. С. Уровни метаязыковой рефлексии наивного и профессионального лингвистов // Идеи, гипотезы, поиск...: материалы XXVII региональной науч. конф. аспирантов, соискателей и молодых исследователей. М.: Знание-М, 2022. Вып. 27. С. 145–143. DOI: 10.38006/00187-196-5.2022.145.153.
5. Курникова Н. С., Засецкова Е. Н. Лексико-стилистические особенности лирики и прозы Сильвии Плат // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 2. С. 28–36.
6. Андреева О. А., Курникова Н. С. Метафора и сравнение как средства передачи депрессии в романе Сильвии Плат "The Bell Jar" // Вопросы переводоведения, межкультурной коммуникации и зарубежной литературы: сб. науч. статей. Чебоксары: Изд-во ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2020. С. 285–288.

7. Герасимова Е. К. Художественный мир поэзии и прозы Сильвии Плат (конец 50-х – начало 60-х гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Изд-во НГПУ. Н. Новгород, 2007.
8. Николаева Н. В. К вопросу о статусе исповедальной поэзии // Гуманитарий: традиции и новые парадигмы в науке о языке: сб. статей по материалам Междунар. молодежного исслед. форума, Санкт-Петербург, 15–16 фев. 2018 г. / РГПУ им. А.И. Герцена, СПб., 2018. С. 67–70.
9. Plath S. *Johnny Panic and the Bible of Dreams*. NY: Harper Collins, 2016.
10. Щирова И. А. Художественный текст как интегративное целое // LXXV Герценовские чтения. Иностранные языки: сб. науч. статей междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 14–15 апр. 2022 г. / РГПУ им. А.И. Герцена, СПб., 2022. С. 106–109.
11. Кузьмина М. Ю. Отчаяние как эмоциональная доминанта в рассказе Д. Г. Лоуренса «The Blind Man» // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2025. Т. 21, вып. 2 (68). С. 41–49.
12. Plath S. *The Bell Jar*. London: Faber and Faber, 2022.
13. APA (American Psychological Association) Dictionary of Psychology. URL: <https://dictionary.apa.org>. (дата обращения 19.05.2025).
14. Кутузов А. А. Категоризация как этап формирования когнитивной структуры // *Studia Linguistica*: сб. науч. трудов. СПб.: Политехника-сервис, 2014. № XXIII. С. 109–115.
15. Кузьмина М. Ю. Вербальные и невербальные средства передачи эмоционального состояния отчаяния в рассказе У. С. Моэма «The Letter» // *Наукосфера*. 2025. № 3–2. С. 232–237. DOI: 10.5281/zenodo.15057937.

Информация об авторах.

Кузьмина Марина Юрьевна – ассистент кафедры английского языка и лингвострановедения Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, наб. реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Автор пяти научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика текста, интерпретация текста, эмоциология текста.

Николаева Нина Викторовна – старший преподаватель кафедры английского языка и лингвострановедения Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, наб. реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Автор 11 научных публикаций. Сфера научных публикаций: языковая картина мира, лингвистика текста, лексикология.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 23.06.2025; принята после рецензирования 10.09.2025; опубликована онлайн 17.11.2025.

REFERENCES

1. Kubryakova, E.S. (1995), "Evolution of Linguistic Ideas in the Second Half of the 20th Century (An Experience of Paradigmatic Analysis)", *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and Science at the End of the 20th Century], IL RAS, Moscow, RUS, pp. 141–237.
2. Kubryakova, E.S. (2004), *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Towards Acquiring Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The Role of Language in Understanding the World], *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, Moscow, RUS.
3. Beloglazova, E.V. and Sergajeva, Yu.V. (2016), "Linguistic creativity in fiction and science", *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 7 (746), pp. 21–30.
4. Fokina, M.S. (2022), "Metalanguage reflection levels of naive and professional linguists", *Ideas, Hypotheses, Search..., Proc. of the 27th Regional Sci. Conf. for Postgraduates, Applicants, and Young Researchers*, *Znanie-M*, Moscow, RUS, vol. 27, pp. 145–143. DOI: 10.38006/00187-196-5.2022.145.153.

5. Kurnikova, N.S. and Zasetskova, E.N. (2022), "Lexical-stylistic peculiarities of Sylvia Plath's poetry and prose", *Modern Humanities Success*, no. 2, pp. 28–36.
6. Andreeva, O.A. and Kurnikova, N.S. (2020), "Metaphor and Simile as Means of Conveying Depression in Sylvia Plath's Novel "The Bell Jar"", *Issues of Translation Studies, Intercultural Communication, and Foreign Literature*, ChSPU named after I.Ya. Yakovlev, Cheboksary, RUS, pp. 285–288.
7. Gerasimova, E.K. (2007), "The Artistic World of Sylvia Plath's Poetry and Prose (Late 1950s – Early 1960s)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, NSPU, N. Novgorod, RUS.
8. Nikolaeva, N.V. (2018), "On the Status of Confessional Poetry]. The Humanities: Traditions and New Paradigms in Language Science", *Collection of Articles from the Int. Youth Research Forum*, St Petersburg, RUS, 15–16 Feb. 2018, pp. 67–70.
9. Plath, S. (2016), *Johnny Panic and the Bible of Dreams*, HarperCollins, NY, USA.
10. Schirova, I.A. (2022), "Fictional text as an integral whole", *LXXV Herzen Readings. Foreign Languages, Proc. of the Int. Sci. Conf.*, St Petersburg, RUS, 14–15 April 2022, pp. 106–109.
11. Kuzmina, M.Yu. (2025), "Despair as an Emotional Dominant in the Short Story "The Blind Man" by D.H. Lawrence", *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, vol. 21, iss. 2 (68), pp. 41–49.
12. Plath, S. (2022), *The Bell Jar*, Faber and Faber, London, UK.
13. APA (American Psychological Association) Dictionary of Psychology, available at: <https://dictionary.apa.org> (accessed 19.05.2025).
14. Kutuzov, A.A. (2014), "Categorization as a stage of cognitive structure genesis", *Studia Linguistica*, iss. XXIII, Politekhnik-servis, SPb., RUS, pp. 109–115.
15. Kuzmina, M.Yu. (2025), "Verbal and NonVerbal Means of Conveying the Emotional State of Despair in W.S. Maugham's Short Story "The Letter"", *Naukosfera*, no. 3–2, pp. 232–237. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.15057937>.

Information about the authors.

Marina Yu. Kuzmina – Assistant Lecturer at the Department of English Language and Linguocultural studies, The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika emb., St Petersburg 191186, Russia. The author of five scientific publications. Area of expertise: text linguistics, text interpretation, text emotiology.

Nina V. Nikolayeva – Senior Lecturer at the Department of English Language and Linguocultural studies, The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika emb., St Petersburg 191186, Russia. The author of 11 scientific publications. Area of expertise: linguistic worldview, text linguistics, lexicology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 23.06.2025; adopted after review 10.09.2025; published online 17.11.2025.*